

Кузнецова Е. В.

СЧАСТЬЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ" (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/33.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 82-83. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988. 653 с.
2. Гоголевские дни в Москве. М., 1910. 336 с.
3. Н. В. Гоголь. Три юбилейные речи. Казань, 1909. 51 с.
4. Памяти Гоголя. Празднование столетней годовщины со дня рождения Н. В. Гоголя в учебных заведениях Варшавского учебного округа. Варшава, 1909. 410 с.
5. Празднование столетия со дня рождения Н. В. Гоголя в Симбирском кадетском корпусе 20 марта 1909 г. Симбирск, 1909. 33 с.
6. Сборник, изданный Императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. Одесса, 1909. 126 с.

СЧАСТЬЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*Кузнецова Е. В.**Магнитогорский государственный университет*

Проблема семейных отношений в романе «Идиот» остается на периферии научных исследований этого произведения. В последнее время аксиологический подход применяется в литературоведческих анализах достаточно активно, но по-разному. В одном только Магнитогорском университете работают исследователи, которые практикуют использование принципиально различных возможностей аксиологии [Власкин, 2002, с. 46-54]. В настоящей статье мы будем ориентироваться на представления А. П. Власкина, который, в частности, предлагает дифференцировать аксиологические ориентиры по трем уровням: "Одними человек руководствуется непосредственно; они - постоянные регуляторы его поведения, даже на уровне инстинктов. Их мы считаем аксиологическими *нормами*. Другие человек лишь имеет в виду, сознательно или подсознательно. Он к ним стремится и надеется их достичь. Это собственно *ценности*, причем любого рода. И наконец, ориентиры высшего порядка, далеко не каждому доступные, - это *идеалы*" [Власкин, 2008, с. 32-41].

Для данной статьи мы ограничиваем внимание преимущественно двумя семьями в романе "Идиот" - Епанчиными и Иволгиными. Они самим Достоевским описаны наиболее подробно. К тому же две эти семьи явно сориентированы друг на друга и взаимоотражаются, как в кривом зеркале.

Сопоставительный анализ в аксиологическом аспекте двух этих семейств позволяет прояснить важные нюансы.

Возьмем для примера семейную ценность - личное и взаимное счастье. Для Епанчиных эта ценность - решающая: общее душевное благополучие напрямую связано с полноценным личным счастьем каждого. Например, они многим готовы жертвовать ради общей любимицы Аглаи (сестры согласны на неравномерное приданое; родители идут на риск светского неодобрения в виду "невозможного" жениха Мышкина). Постоянные переживания Елизаветы Прокофьевны связаны с ее сомнениями относительно счастья дочерей: "Смотря на дочерей своих, она мучилась подозрением, что беспрерывно чем-то вредит их карьере, что характер ее смешон, неприличен и невыносим, - за что, разумеется, беспрерывно обвиняла своих же дочерей и Ивана Федоровича и по целым дням с ними ссорилась, любя их в то же время до самозабвения и чуть не до страсти" [Достоевский, 1974, с. 271].

В таком отношении матери к дочерям выражается не просто типичный родительский инстинкт. Любовь к ним у Елизаветы Прокофьевны по-разному окрашена, имеет свои нюансы. Это хорошо видно на примере такого фрагмента: "Наконец взошло было солнце и для ее материнского сердца; хоть одна дочь, хоть Аделаида будет наконец пристроена. /.../ За Аглаю она более всех пугалась. Кстати сказать, насчет старшей, Александры, Лизавета Прокофьевна и сама не знала, как быть: пугаться за нее или нет? /.../ Лизавета Прокофьевна даже плакала за нее по ночам" [Там же, с. 272].

На первый взгляд может показаться, что в этой семье забота родителей о дочерях заменяет супружеские чувства, и тогда семейное счастье не может считаться настоящей ценностью. Действительно, Елизавета Прокофьевна чаще всего критикует супруга, ведет себя как тиранка. В результате и с его стороны по отношению к жене выражается чаще всего страх в очередной раз вызвать ее гнев. Однако всё это компенсируется пусть редкими, но тем более выразительными эпизодами не просто супружеской гармонии, но настоящей взаимной любви. Например, заходит у них тревожный разговор о будущем муже для дочери Александры: "Только дай ей бог не такого, как вы, Иван Федорыч, - разрывалась, наконец, как бомба, Лизавета Прокофьевна, - не такого в своих суждениях и приговорах, как вы, Иван Федорыч; не такого грубого грубияна, как вы, Иван Федорыч... - Иван Федорович спасался немедленно, а Лизавета Прокофьевна успокаивалась после своего разрыва. Разумеется, в тот же день к вечеру она неминуемо становилась необыкновенно внимательна, тиха, ласкова и почтительна к Ивану Федоровичу, к "грубому своему грубияну" Ивану Федоровичу, к доброму и милому, обожаемому своему Ивану Федоровичу, потому что она всю жизнь любила и даже влюблена была в своего Ивана Федоровича, о чем отлично знал и сам Иван Федорович и бесконечно уважал за это свою Лизавету Прокофьевну" [Там же, с. 273].

В свою очередь, дочери отвечают родителям не менее выразительной любовью. Среди них самая независимая, даже эгоистичная, часто вздорная и тем не менее общая любимица Аглая доходит иногда до того, что строит планы покинуть семью. Аглая в разговоре с ним аргументирует своё решение так: "Я не хочу по их

балам ездить, я хочу пользу приносить. Я уж давно хотела уйти. /.../ Александра и Аделаида все книги читают, им можно, а мне не все дают, за мной надзор. Я с сестрами не хочу ссориться, но матери и отцу я давно уже объявила, что хочу совершенно изменить мое социальное положение" [Там же, с. 356-358].

Аглая в равной мере уважает и любит своих родных. Например, после эпизода решающего любовного объяснения Аглаи с Мышкиным генерал Епанчин "застал супругу и дочку в объятиях одну у другой и обливавших друг друга слезами. Это были слезы счастья, умиления и примирения. Аглая целовала у матери руки, щеки, губы; обе горячо прижимались друг к дружке. /.../ Аглая отвернула свое счастливое и заплаканное личико от маминой груди, взглянула на папашу, громко рассмеялась, прыгнула к нему, крепко обняла его и несколько раз поцеловала" [Там же, с. 427-428]. В другом случае, при встрече с Настасьей Филипповной, Аглая уверилась, что Мышкин не способен "выбирать" между ними. После этого главное для нее - отношение родителей и сестер, и она "скорей согласилась бы умереть, чем показаться теперь на глаза своим домашним /.../. Дело кончилось, впрочем тем, что когда Аглая увидела мать и сестер, плачущих над нею и нисколько ее не упрекающих, то бросилась к ним в объятия и тотчас же воротилась с ними домой" [Там же, с. 479].

И все-таки в конечном счете Аглая Епанчина покидает когда-то полноценную семью: "...она, после короткой и необычайной привязанности к одному эмигранту, польскому графу, вышла вдруг за него замуж, против желания своих родителей, если и давших наконец согласие, то потому, что дело угрожало каким-то необыкновенным скандалом" [Там же, с. 509].

Таким образом, "личное и общее счастье" были для Епанчиных взаимообусловленными и несомненными ценностями. Однако драматические обстоятельства, связанные с судьбой младшей дочери, помешали достижению семейного счастья.

Что касается Иволгиных, то для всех (за исключением матери) представителей этого семейства взаимное счастье отступает на задний ценностный план. На первом же плане - личное благополучие и удовлетворение амбиций. Формальный глава семьи, генерал Иволгин, безоглядно отдается своим пагубным страстям. Он готов у кого угодно занимать деньги на спиртное и опускается даже до прямой кражи бумажника у собутыльника Лебедева. Душевного и физического "отдохновения" он ищет в чужом семействе Терентьевых. То есть речь здесь не может идти даже о "личном счастье" - лишь об удовлетворении низменных страстей и слабостей. И всё это - в ущерб благополучию и репутации собственной семьи.

Столь же явно, но по-другому эгоистичен Ганя Иволгин. В его первоначальных планах женитьбы на чужой содержанке никак не заподозришь искания личного "счастья", в них - один меркантильный расчет. При этом даже ради такого расчета Ганя готов поступаться интересами и настроениями своих домашних. После очередного скандала он открыто заявляет Мышкину: "Эта давешняя сцена с Варей случилась нечаянно, но мне в пользу: она /Настасья Филипповна - Е. К./ теперь видела и убедилась в моей приверженности и что я все связи для нее разорву" [Там же, с. 104]. За сестру в ее замужестве - не счастливом, но все-таки благополучном - Ганя также далеко не рад, хотя и пользуется сложившимися обстоятельствами: "...он жил у Птицына на его содержании, с отцом и матерью, и презирал Птицына открыто" [Там же, с. 387].

Характерно, что когда Ганя возобновляет свои искания в семействе Епанчиных и пытается соперничать с Мышкиным, сестра берется помогать ему. Но и она недоумевает: "...какого ты счастья хотел у Аглаи искать". В ответ недоумевает и он: " - Да разве я... счастья у Аглаи искал? - Ну, пожалуй, не вдавайся в философию! Конечно, так. Конечно, и довольно с нас: в дураках. Я на это дело, признаюсь тебе, никогда серьезно не могла смотреть; только "на всякий случай" взялась за него, на смешной ее характер рассчитывая, а главное, чтобы тебя потешить; девяносто шансов было, что лопнет. Я даже до сих пор сама не знаю, чего ты и добивался-то" [Там же, с. 390]. То есть эти брат с сестрой знают себе цену и даже когда действуют сообща, имеют в виду все-таки не духовные ценности (например, личное счастье родного человека), а вполне меркантильные. К тому же для Вари имеет значение, что в случае успеха их совместной интриги против Епанчиных будет удовлетворено и ее личное самолюбие: "Одно только иногда замечала в себе, что и она, пожалуй, злится, что и в ней очень много самолюбия и чуть ли даже не раздавленного тщеславия; особенно замечала она это в иные минуты, почти каждый раз, как уходила от Епанчиных" [Там же, с. 388]. В этом они с Ганей очень похожи друг на друга, и разница состоит лишь в масштабах самолюбия.

Как уже сказано выше, Коля и его мать остаются в стороне от этих самолюбивых страстей и интриг. Однако и у них мы не находим никаких следов надежды на личное или общее семейное счастье: разлад и духовная деградация зашли в семействе слишком далеко. Младшему сыну и матери остается надеяться в лучшем случае лишь на то, чтобы как-то смягчить страдания отца и друг друга.

Таким образом, для двух рассматриваемых семейств актуальны оказываются разные ценности: для Епанчиных - личное и общее счастье, для Иволгиных - восстановление достойного семейного статуса. В обоих случаях ценности эти оказываются недостижимыми: в первом случае - по вине старших членов семейства, во втором - преимущественно по воле обстоятельств.

Список использованной литературы

1. **Власкин А. П.** Аксиологические возможности в современном прочтении Пушкина // Пушкин: альманах. Магнитогорск: МаГУ, 2002. Вып. 3.
2. **Власкин А. П.** Поле аксиологической напряженности в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и современность: материалы XXIII Международных старорусских чтений 2008 года. Великий Новгород, 2009.
3. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 8. 509 с.
4. **Петров В. Б.** Художественная аксиология Михаила Булгакова. М.: Прометей, 2002. 349 с.